

СКАНДИНАВСКИЙ ИНФИНИТИВ I НА *u* И ПРОБЛЕМА СВЯЗИ МЕЖДУ ИМЕННЫМИ И ЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ ГЕРМАНСКОГО ГЛАГОЛА

В отличие от других современных скандинавских языков, имеющих инфинитив I на *a*, *e* (ср. швед. *taga*, дат. *tage* «брать»), в исландском языке, наряду с подобной формой инфинитива I (ср. *meta* «брать»), существуют два глагола, имеющие инфинитив I на *u*. Это вспомогательные глаголы *miðu* «намереваться, собираться» и *skulu* «долженствовать». Однако указанная форма является специфически исландской лишь с точки зрения современных скандинавских языков. Во всех древнескандинавских языках инфинитив I на *u* зафиксирован у ряда претерито-презентных глаголов, что свидетельствует о первоначально общескандинавском характере этого явления.

Ср. др.-дат. *tugðu* (параллельно с *tugha*) «мочь»; др.-дат. *vita*, наряду с *vita* «знать»; др.-дат. *skulu* «долженствовать»; др.-швед. *miðu*, *skulu*, позднее *miða*, *skula*; др.-норв. иногда *miðu*, *skulu*; др.-зап. норв. *skolu*, иногда уже в др.-норв. *skula*. Ср. также фарер. *mið(n)u*, обычно *mið(n)a*; *skul(l)u*, обычно *skul(l)a*; *mái*, обычно *máa*, *móá*; соответствует др.-норв. *mega* «мочь», др.-исл. *megu*, обычно *mega*.

В древнеисландском, как и в современном исландском, инфинитив I на *u* всегда отмечается у глаголов *miðu* и *skulu*¹. По форме инфинитив I на *u* этих глаголов совпадает с 3-м лицом мн. числа настоящего времени изъявительного наклонения. Ср. др.-исл. *miðu*, *skulu* — инф. I и *miðu*, *skulu* — 3-е лицо мн. числа наст. времени².

Указанное звуковое совпадение именных и личных форм претерито-презентных глаголов является, по-видимому, не случайным и не представляет собой исключения.

Уже во всех древнескандинавских языках благодаря отпадению конечных согласных инфинитив I на *a* сильных и слабых глаголов также систематически совпадает с 3-м лицом мн. числа наст. времени на *a*. При этом сближение именных и личных форм не ограничивается звуковым совпадением флексий инфинитива I и 3-го лица мн. числа наст. времени, а определяется общностью огласовки корня неличных форм и форм мн. числа соответствующих глаголов. Ср. др.-исл. инф. I *risa* «подниматься», 3-е лицо мн. числа наст. времени изъяв. наклонения *risa*.

Примечательно, что совпадение форм инфинитива I и 3-го лица мн. числа наст. времени наблюдается также в случае нулевой флексии в указанных формах. При этом исчезновение прежнего окончания в одной из форм приводит к соответствующему явлению в другой. Так, в восточноскандинавских языках уже ранее 1300 г. отмечается постепенная утрата окончания *a* в инфинитиве I некоторых глаголов с долгой гласной. Ср. *bá* (зап.-сканд. *báa*) «жить»; *sé* (зап.-сканд. *siá*) «видеть»; *fly* (зап.-сканд. *flýja*) «бежать, спасаться бегством». После 1350 г. указанные формы инфинитива I становятся обычными. При этом утрата окончания *a* у этих глаголов отмечается также в формах 3-го лица мн. числа наст. времени³. В современных восточноскандинавских языках обе эти формы выступают в виде основы с нулевой флексией. Ср. швед. инфинитив I *att bo* «жить» и *bo* — 3-е лицо мн. числа наст. времени.

В современном исландском в этой группе глаголов также наблюдается совпадение форм инфинитива I и 3-го лица мн. числа наст. времени. При этом отсутствие или наличие флексии в инфинитиве сопровождается соответствующим явлением в 3-м лице мн. числа наст. времени. Ср., с одной стороны, *búa* «жить» — инфинитив I, *búa* — 3-е лицо мн. числа наст. времени, а с другой стороны, *flá* «сдирать кожу» — инфинитив I, *flá* — 3-е лицо мн. числа наст. времени.

Указанная закономерность, безусловно, определила характер форм инфинитива I на *u* и некоторых древнескандинавских претерито-презентных глаголов, образованных от 3-го лица мн. числа наст. времени и тождественных с ним в звуковом отношении. Формы инфинитива I на *u* являются, несомненно, более поздними по образованию по

¹ М. Н æ g's t a d, Vestnorske maalføre fyre 1350, II — Sudvestlandsk, Kristiania, B. I — 1916, стр. 205, B. II — 1917, стр. 144 («Skrifter utgitt av Videnskapsselskapet i Kristiania», II — Hist.-filos. klasse, 1915, № 3; 1916, № 4), B. III — Oslo, 1942, стр. 68—69, 133—134 («Skrifter utgitt av det Norske videnskaps-akademi i Oslo, II — Hist.-filos. klasse, 1941, № 1). См. также А. N o r e e n, Altschwedische Grammatik, Halle, 1904, стр. 468.

² Окончание 3-го лица мн. числа наст. времени *u* этих глаголов восходит к флексии претерита *un*.

³ См. А. N o r e e n, Geschichte der nordischen Sprachen, Strassburg, 1913, стр. 208, 228.

сравнению не только с инфинитивом I на *a* сильных и слабых, но и с инфинитивом I большинства претерито-презентных глаголов.

Древний характер инфинитива I на *a* некоторых древнескандинавских претерито-презентных глаголов можно предполагать, исходя из наличия инфинитива I на *an* у соответствующих глаголов в готском, древнеанглийском и древневерхненемецком языках. Определенное свидетельство зависимости между именными и личными формами скандинавского глагола дает история последующего преобразования парадигмы древнескандинавских претерито-презентных глаголов, исчезновения форм инфинитива I на *u* в норвежском и восточноскандинавских языках и сохранения этой формы в islandском.

Инфинитив I на *u* в различных древнескандинавских языках исчезает не одновременно. При этом указанный процесс обуславливает перестройку парадигмы настоящего времени соответствующих претерито-презентных глаголов. Прежнее окончание 3-го лица мн. числа наст. времени *u* (*o*) постепенно заменяется окончанием *a*, тождественным в звуковом отношении флексии инфинитива I соответствующих претерито-презентных глаголов и окончанию инфинитива I и 3-го лица мн. числа наст. времени сильных и слабых глаголов. Эта флексия уже в древнейших литературных памятниках западноскандинавских языков почти всегда отмечается у претерито-презентных глаголов: *minn* «вспоминать», часто *innn* «любить», реже *eiga* «обладать», *kinna* «мочь», *mega* «быть в состоянии» и (особенно в древнорвежском) *vita* «знать»; в восточной группе скандинавских языков *egha* «обладать» и *fbrva* «нуждаться», несколько позднее — *magna* (*mugha*) «быть в состоянии, мочь» и *skulu* «долженствовать».

У глаголов *minn* «помнить», *innn* «любить», *vita* «знать» в восточной группе скандинавских языков эта форма встречается уже в долитературный период¹. Это указывает на то, что в восточноскандинавских языках рассматриваемый процесс начался раньше, чем в западноскандинавских. При этом окончание *a* проникает прежде всего в парадигму претерито-презентных глаголов с преобладанием вещественного значения, у которых во всех древнескандинавских, а также в других древнегерманских языках зафиксирована форма инфинитива I на *a* [*an*]. Отметим, что в скандинавских языках наблюдается общее для претерито-презентных глаголов германских языков варьирование форм в инфинитиве I, что обуславливает соответствующее явление в 3-м лице мн. числа наст. времени этих глаголов.

В шведском, где уже к 1350 г. инфинитив I на *u* глаголов *minn* и *skulu* заменился инфинитивом I на *a*², отмечается соответствующая замена флексии в 3-м лице мн. числа наст. времени. В islandском, где инфинитив I на *u* этих глаголов сохранился вплоть до настоящего времени, соответственно сохраняется и форма 3-го лица мн. числа наст. времени на *u*. Таким образом, появление окончания 3-го лица мн. числа наст. времени *a* претерито-презентных глаголов было, по-видимому, обусловлено постепенным возникновением у них инфинитива I на *a*.

Указанной перестройке в свою очередь, несомненно, способствовало общее соотношение между именными и личными формами древнескандинавского глагола, выражавшееся в звуковом совпадении форм инфинитива I и 3-го лица мн. числа наст. времени. Таким образом, сущность указанного процесса состояла в ликвидации возникшей диспропорции между имевшими общее презентное значение именными и личными формами претерито-презентных глаголов. Эта диспропорция заключалась в том, что инфинитив I большинства претерито-презентных глаголов имел флексию *a*, характерную для презентных основ, а 3-е лицо мн. числа наст. времени — претеритное окончание *u*. Ср. др.-исл. инфинитив I *furfa* — 3-е лицо мн. числа наст. времени *furfu*. В указанном процессе в активной роли выступали именные формы, что видно из того, что перестройка парадигмы идет в сторону ее сближения с неличными формами.

Более раннее проникновение флексии *a* (употребляющейся в сильных и слабых глаголах с основами настоящего времени) в инфинитив I некоторых претерито-презентных глаголов, имевших прежде инфинитив I на *u*, объясняется, по-видимому, тем, что, в силу неличного характера, инфинитив I менее тесно связан с другими глагольными формами, в то время как 3-е лицо мн. числа наст. времени связано со всей парадигмой.

Устойчивость парадигмы против выравнивания, в частности, проявляется в сохранении в среднешведском у глагола *diva* 3-го лица мн. числа наст. времени на *u* — *divu* вместо обычных в то время форм *dugha*, *dogha*³, а также в сохранении в современном фарерском языке у ряда претерито-презентных глаголов флексии 3-го лица мн. числа наст. времени *u*, обобщенной для всего множественного числа при инфинитиве I соответствующих глаголов на *a*. Ср. инфинитив I *skula* — 3-е лицо мн. числа наст. времени *skulu*⁴.

Обратный процесс определяющего влияния парадигмы на именные формы виден, во-первых, в самом факте возникновения от 3-го лица мн. числа наст. времени претерито-презентных глаголов инфинитива I на *u* глаголов *minn* и *skulu*, не имевших в древ-

¹ См. A. N o r e e n, *Geschichte der nordischen Sprachen*, стр. 229; O. V a n d l e r, *Die Sprache der Gudsbrandsbiblia*, Kopenhagen, 1956, стр. 423—425.

² A. N o r e e n, *Geschichte..*, стр. 228.

³ A. N o r e e n, *Altschwedische Grammatik*, стр. 462, § 553, примечание 1.

⁴ См. W. B. L o c k w o o d, *An introduction to modern Faroese*, København, 1955, стр. 75, 76.

нескандинавских и большинство древнегерманских языков инфинитива I на a, *ан.* Во-вторых, указанный процесс проявляется в возникновении во всех древнескандинавских языках у ряда претерито-презентных глаголов с формой инфинитива I на a параллельных и редких форм инфинитива I на u.

Приведенные факты позволяют констатировать в древнескандинавских языках определенную зависимость между именными и личными формами глагола, обуславливающую в одних случаях характер личных, а в других случаях — именных форм претерито-презентных глаголов. Однако, помимо морфологических факторов (решающей роли инфинитива в первом случае и парадигмы — во втором), определенное влияние на возникновение инфинитива I на u некоторых претерито-презентных глаголов древнескандинавских языков и сохранение его в современном исландском языке оказали семантика и синтаксическое употребление этих глаголов.

Так, уже в древнеисландском в группе претерито-презентных глаголов можно вскрыть деление на глаголы с преобладанием вещественного и грамматического значения. Первые имеют инфинитив I на a, а вторые — на u.

Ко второй группе относятся глаголы *munu* и *skulu*, удельный вес которых в образовании описательных форм (в частности, будущего времени) весьма велик. В сохранении, как и в возникновении, инфинитива I на u этих глаголов определенную роль, несомненно, сыграло использование их в конструкции «винительный + инфинитив», употребляющейся также в современном исландском языке. В этой конструкции в сочетании с инфинитивом I смыслового глагола инфинитив I глаголов *munu* и *skulu* образует описательную форму инфинитива futuri I: *þsnjallr maðr hyggsk munu ey lifa* («Нава-мал») «Глупец думает — он всегда будет жить».

В древнешведском и древнорвежском языках описательные формы будущего образовывались не только с глаголом *skulu*, но и с глаголом *vila*, имевшим инфинитив I на a, а также при помощи других глаголов (ср. в шведском конструкцию *att komma att*). Конструкция с указанными глаголами так же, как и в современных английском и норвежском языках, передавали субъективное будущее со значением зависимости действия от воли говорящего.

В исландском языке, наряду с таким типом будущего времени (конструкция с глаголом *skulu*), существовало будущее «мыслимое», «воображаемое» (конструкция «глагол *munu* + инфинитив I смыслового глагола»). В древнорвежском и древнорвежском указанный тип будущего времени не развился, что и привело уже довольно рано к исчезновению в них глагола *munu*. Последнее обстоятельство в значительной мере способствовало утрате в этих языках глаголом *skulu* инфинитива I на u. Определенную роль в этом процессе, очевидно, сыграла конструкция «винительный с инфинитивом», которая в норвежском языке¹, как и в шведском², была менее употребительна, чем в исландском.

Связь между именными и личными формами древнескандинавского глагола проявляется также в том, что характер инфинитива I и 3-го лица мн. числа наст. времени определяет формы причастий I и II, которые по огласовке корня (3-я ступень аблаута) совпадают с инфинитивом I и множественным числом.

Уже в древнеисландском у глаголов с инфинитивом I на a имеются соответствующие причастия I и II с тематическим гласным a. У глаголов с инфинитивом I на u при соответствующем 3-м лице мн. числа наст. времени на u причастия I и II отсутствуют. Подобное соотношение отмечается также и в современном исландском языке. Ср.:

инфинитив I	<i>kunna</i>	<i>munu, skulu</i>
3-е лицо мн. числа наст. времени	<i>kunna</i>	<i>munu, skulu</i>
Причастие I	<i>kunnandi</i>	—
Причастие II	<i>kunnat</i>	—

Наличие именных форм у всех претерито-презентных глаголов независимо от их семантики в древнескандинавских языках, а также у модальных глаголов во всех современных германских языках и показанная выше связь неличных форм с формами 3-го лица мн. числа наст. времени делают понятным отсутствие этих форм у английских модальных глаголов и дают определенный материал для предположения о существовании подобной связи в других германских языках. Существоющее мнение о том, что причиной отсутствия неличных форм у английских модальных глаголов является их семантика³, опровергается следующим. Во-первых, модальная семантика бывших претерито-презентных глаголов во всех современных германских языках отнюдь не

¹ Ср. широкое распространение этой конструкции в раннем древнедатском и ее крайне редкое использование в разговорном норвежском (см. H. F a l k, A. T o r p, *Dansk-norskens syntax i historisk fremstilling*, Kristiania, 1900, стр. 201).

² См. C. G r i m b e r g, *Undersökningar om konstruktionen «akusativ med infinitiv» i den äldre fornsvenskan*, «Arkiv för nordisk filologi», bd. 21 (ny följd— bd. 17), hf. 1—4, 1904, стр. 205, 311.

³ А. И. С м и р н и ц к и й, *Древнеанглийский язык*, М., 1955, стр. 268.

препятствует появлению у них неличных форм, отсутствовавших в древности. Напротив, неведущая семантика исландских глаголов *munu* и *skulu* приводит не к исчезновению у них формы инфинитива, а к сохранению архаической формы инфинитива I на *u*. Во-вторых, в самом английском языке вещественная семантика этих глаголов вполне уживалась с отсутствием у ряда претерито-презентных глаголов в древнеанглийском неличных форм. В то же время в среднеанглийском, где эти глаголы были больше продвинуты по пути превращения их в модальные глаголы, у них появляются неличные формы, в частности инфинитив I¹, которые позднее исчезли у всех английских модальных глаголов.

Отсутствие неличных форм английских модальных глаголов представляется возможным объяснить с точки зрения связи между именными и личными формами германского глагола. Исчезновение окончаний множественного числа у английских претерито-презентных глаголов обуславливает исчезновение у них грамматических категорий лица и числа ввиду ликвидации морфологического противопоставления между единственным и множественным числом. Это в свою очередь вполне закономерно приводит к исчезновению у указанных глаголов неличных форм, что также отмечается в подобном случае у некоторых претерито-презентных глаголов в других языках и свидетельствует о том, что не только личные формы зависят от именных, но и наоборот. Ср., с одной стороны, др.-швед. инфинитив I *magha*, 3-е лицо мн. числа наст. времени *mágho*; с другой стороны, в современном шведском ср.: форма 3-го лица мн. числа наст. времени *ta* (из ед. числа), инфинитив I — отсутствует; инфинитив I — *skula* «долженствовать», форма 3-го лица мн. числа наст. времени — *skula*.

Сохранение неличных форм английских сильных и слабых глаголов, несмотря на отпадение у них флексий множественного числа, вполне закономерно, так как в этом случае не исчезают грамматические категории лица и числа ввиду сохраняющегося противопоставления *he goes* и *they go*. Результатом исчезновения флексии мн. числа является лишь то, что формы инфинитива I и 3-го лица мн. числа наст. времени имеют нулевую флексию, что также характерно для глаголов 3-го спряжения в современном шведском.

Сам факт возникновения в английском противопоставления *he goes, they go*, где флексия 3-го лица ед. числа *-s* проникает из 2-го лица ед. числа в период исчезновения окончаний мн. числа, так же как и характерный для всех германских языков факт унификации окончаний мн. числа по типу 3-го лица мн. числа наст. времени, по-видимому, следует объяснять с точки зрения связи между именными и личными формами германского глагола. При этом указанная связь в одних случаях приводит к образованию форм инфинитива II от 3-го лица мн. числа прош. времени, в других же при нарушении связи между формами инфинитива I и 3-го лица мн. числа наст. времени инфинитив I образуется либо от 3-го лица мн. числа прош. времени, либо имеет флексию, подобную флексии 3-го лица мн. числа прош. времени изъявительного или сослагательного наклонения, что является еще одним свидетельством зависимости именных форм от личных.

Этому, несомненно, способствуют как генетическая общность первичных и вторичных окончаний, так и определенные морфологические и синтаксические условия. Так, с одной стороны, наличие вторичных окончаний в настоящем и прошедшем времени претерито-презентных глаголов и морфологическая четкость, выражающаяся в звуковом совпадении в древнескандинавских языках инфинитива I, 3-го лица мн. числа наст. времени и 3-го лица мн. числа прош. времени ряда этих глаголов (ср. др.-исл. инфинитив I *munu*, 3-е лицо мн. числа наст. времени *munu*, 3-е лицо мн. числа прош. времени *mundu*), отсутствие у них причастия II, большой удельный вес описательных форм будущего времени с этими глаголами и распространенные конструкции «винительный с инфинитивом», в которых глаголы *munu* и *skulu* выступают в роли *infinitivus a futuri* II, способствуют последующему образованию от 3-го лица мн. числа прош. времени претерито-презентных глаголов в древнезападноскандинавских языках синтетической формы инфинитива II на *u* этих глаголов и прежде всего форм *mundu, skyldu*. Ср. инфинитив II — *mundu, skyldu*, инфинитив I — *munu, skulu*².

¹ J. Fr. Rettger, The development of ablaut in the strong verbs of the east midland dialects of middle English, «Language», vol. XVIII. Suppl., 1934, стр. 179, 181.

² Ср. формы инфинитива претерита у некоторых претерито-презентных глаголов в средневерхнемецком (закономерные ввиду отсутствия у них причастия II и звукового совпадения флексий инфинитива I, 3-го лица мн. числа наст. времени и 3-го лица мн. числа прош. времени этих глаголов), однако не получившие распространения, так как в средневерхнемецком отсутствовали упоминавшиеся выше синтаксические условия:

инфинитив II	инфинитив I	
<i>machte, mochte</i>	<i>mugen, mogen</i>	„желать, хотеть, мочь“
<i>solte</i>	<i>scholn, soln, suln</i>	„долженствовать“
<i>tohte</i>	<i>tügen, tugen</i>	„годиться, быть пригодным“

(См. H. Paul, Deutsche Grammatik, Bd. II, Tl. III — Flexionslehre, Halle, 1956, стр. 263, 266, 267).

С другой стороны, присущие сильным и слабым глаголам соотношения инфинитива I (др.-исл. *fara*), 3-го лица мн. числа наст. времени (др.-исл. *fara*), 3-го лица мн. числа прош. времени (др.-исл. *föru*), а также инфинитива I (др.-исл. *standa*), 3-го лица мн. числа наст. времени (др.-исл. *standa*), 3-го лица мн. числа прош. времени (др.-исл. *stóttu*) и возникновение инфинитива II на *u* у претерито-презентных глаголов способствуют образованию от 3-го лица мн. числа прош. времени соответствующих сильных и слабых глаголов в древнезападноскандинавских языках (в конструкции «внимание» с инфинитивом) синтетической формы инфинитива II на *u*. Ср. инфинитив II *kotu*, *sendu*¹.

Нарушение в современных датском и норвежском языках связи между формами инфинитива I и 3-го лица мн. числа наст. времени претерито-презентных и некоторых модальных глаголов (виду распространения в этих глаголах форм ед. числа на формы множественного) приводит к возникновению у них новой формы инфинитива I, образованной от 3-го лица мн. числа прош. времени². Этот инфинитив по форме является инфинитивом II (таща исл. *skyldu*).

Ср., с одной стороны, др.-норв. инфинитив I *skula* (*skulu*); 3-е лицо мн. числа наст. времени *skolo*, *scolu*, 3-е лицо мн. числа прош. времени *skyldo*, др.-норв. инфинитив I *byrja*; 3-е лицо мн. числа наст. времени *byrja*; 3-е лицо мн. числа прош. времени *byrði*³;

С другой стороны, совр. норв. и дат. инфинитив I *skulle*, 3-е лицо мн. числа наст. времени *skal*, 3-е лицо мн. числа прош. времени *skulle*; совр. норв. и дат. инфинитив I *burde*, 3-е лицо мн. числа наст. времени *bør*, 3-е лицо мн. числа прош. времени *burde*. В современном шведском: инфинитив II *skola*, 3-е лицо мн. числа наст. времени *skola(ska)*, 3-е лицо мн. числа прош. времени *skulle*; инфинитив I *böra*, 3-е лицо мн. числа наст. времени *böra*, 3-е лицо мн. числа прош. времени *borde*.

Образование инфинитива I от 3-го лица мн. числа прош. времени в датском и норвежском обусловили структурные причины: наличие лексических категорий лица и числа во всей системе глагола.

Генетическая общность первичных и вторичных окончаний и нарушение связи между инфинитивом I и 3-м лицом мн. числа наст. времени в древнеанглийском в результате выпадения *u* в 3-м лице мн. числа наст. времени (это привело к соотношению: инфинитив I *bindan*, 3-е лицо мн. числа наст. времени *bindað*; 3-е лицо мн. числа наст. времени сослагат. наклонения *binden*, 3-е лицо мн. числа прош. времени *bundon*; 3-е лицо мн. числа прош. времени сослагат. наклонения *bunden*) обусловили на первый взгляд непонятное варьирование окончаний несклоняемого инфинитива в древнеанглийском, где отмечается инфинитив I не только на *an*, но и на *on*, *en*, *e*, *æ* при соответствующем варьировании окончаний в 3-м лице мн. числа наст. времени сослагат. наклонения и 3-м лице мн. числа прош. времени изъявн. наклонения⁴.

В свою очередь, как думается, последующее проникновение окончания *en* в 3-е лицо мн. числа наст. времени изъявн. наклонения из 3-го лица мн. числа наст. времени сослагат. наклонения обусловило кажущееся непонятным восстановление флексий инфинитива *-en*, реже *-an*, *-on*⁵ в раннесреднеанглийском, отсутствовавших в позднедревнеанглийском.

В свете выложенного в древнескандинавском и, очевидно, в древнегерманском глаголе в целом можно констатировать определенную системную связь между именными и личными формами, охватывающую также группу претерито-презентных глаголов. Сущность этой связи состоит в противопоставлении именных форм и форм 3-го лица, объединенных общим неличным значением, в частности, в противопоставлении инфинитива I и 3-го лица мн. числа личным формам 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа.

Эта связь проявляется во взаимовлиянии входящих в нее элементов. В результате характер неличных форм (в частности, древнескандинавских претерито-презентных глаголов) определяет направление соответствующих изменений в парадигме, а парадигма и изменения в ней влияют на характер неличных форм соответствующих глаголов. В свою очередь возникновение соотношения между именными и личными формами древнескандинавских сильных и слабых глаголов (при котором формы инфинитива I

¹ F. Jónsson, Det norsk-islandske skjaldesprog omtr. 800—1300, København, 1901, стр. 89, 100.

² H. S. Falk, A. Torp, Norwägisch-dänisches etymologisches Wörterbuch, Tl. I (A—O), Heidelberg, 1910, стр. 118.

³ J. Fritzer, Ordbog over det gamle norske sprog, Oslo, 1954, bd. I, стр. 222.

⁴ См. E. Sievers, Altenglische Grammatik nach der angelsächsischen Grammatik, neubearbeitet von K. Brunner, Halle, 1951, стр. 306; U. G. Lindelöf, Die Südnorthumbische Mundart des 10 Jahrhunderts. Die Sprache der sog. Glosse Rushworth, Bonn, 1901 («Bonner Beiträge zur Anglistik, hrsg. von prof. M. Trautmann», Hf. X), стр. 87, 88, 130, 131.

⁵ См. G. Langenhove, On the origin of the gerund in English, Paris, 1925, стр. 94.

и 3-го лица мн. числа наст. времени тождественны в звуковом отношении) способствует образованию некоторых форм, в частности более позднего инфинитива I на и скандинавских претерито-презентных глаголов от 3-го лица мн. числа наст. времени. Возникновение инфинитива II на и претерито-презентных глаголов от 3-го лица мн. числа прош. времени способствует возникновению такой же формы у сильных и слабых глаголов, что свидетельствует о взаимовлиянии частных систем внутри общей системы глагола¹. Думается, что само звуковое совпадение в древнескандинавских и во всех современных германских языках форм инфинитива I и 3-го лица мн. числа наст. времени следует также объяснять с точки зрения указанной связи.

Объяснение этого явления чисто фонетическими причинами представляется неубедительным. Мало вероятно, чтобы чисто фонетические процессы, происходившие в различных языках независимо друг от друга и в различные периоды истории отдельных германских языков, могли бы привести к одинаковым результатам. Вероятнее всего, что какая-то более важная причина — в данном случае системная связь между именными и личными формами глагола, сложившаяся на базе явлений общелингвистического характера² — во взаимодействии с другими процессами определяла результаты этих фонетических изменений. Однако последнее, как было показано, не исключает возможности спонтанных фонетических изменений, влияющих на структуру языка. Очевидно, что упоминавшийся выше фонетический процесс, в результате которого в древнеанглийском выпадало *h* в форме 3-го лица мн. числа наст. времени³, приводил к нарушению связи между именными и личными формами английского глагола. Однако последующую замену др.-англ. *āð* окончанием *en* (проникшим из 3-го лица мн. числа сослагат. наклонения) в среднеанглийском, в результате которой произошло звуковое совпадение форм инфинитива I и 3-го лица мн. числа наст. времени, вряд ли убедительно объяснить с фонетической, а не структурной точки зрения.

Таким образом, системное объяснение рассмотренных явлений, не отрицая роли фонетики, лишь позволяет избежать односторонности, при которой структурные изменения, в данном случае морфологические, ставятся в зависимость от фонетики. Чисто фонетическое объяснение по существу приводит к отрицанию системного характера языка, в котором все компоненты системы взаимосвязаны и обусловлены и в котором эти компоненты, представляющие собой меньшие системы внутри общей системы языка, связывающей их в единое неразрывное целое, имеют свойственные им закономерности развития.

Вследствие этого изменения в структуре языка на одном этапе могут приводить к изменениям в фонетической системе, а на другом могут обусловить определенные процессы, которые в конечном итоге приведут к перестройке в морфологической или синтаксической системах.

С точки зрения связи между инфинитивом I и 3-м лицом, принимая во внимание звуковое совпадение этих форм, нам представляется также возможным объяснять возникновение во всех германских языках (причем в различные исторические периоды) инфинитивной частицы. В западногерманских и скандинавских языках эта частица генетически не тождественна, но восходит к общей семантической группе предлогов, употребляющихся с дательным падежом; ср. гот. *du*, нем. *zu*, англ. *to*, исл. *áð*, швед. *att*. Первоначально в готском, а также в других германских языках эта частица употреблялась только с инфинитивом цели и лишь впоследствии стала употребляться с инфинитивом вообще; при этом — раньше всего в древнескандинавских языках⁴, где уже произошло совпадение форм инфинитива I и 3-го лица мн. числа наст. времени. Позднее — в английском и сравнительно недавно — в немецком, где звуковое совпадение этих форм произошло позже, чем, очевидно, и объясняется не всеобъемлющим характер этого явления.

Возможно, что впоследствии и в немецком языке инфинитивная частица будет также использоваться со всеми типами инфинитива. Вследствие сказанного, основную функцию инфинитивной частицы в германских языках, по-видимому, можно определить, во-первых, как средство указания на инфинитив цели и, во-вторых, как средство указания в связной речи на то, что данная форма, созвучная с 3-м лицом мн. числа наст. времени, является инфинитивом.

¹ На вполне возможное возражение, что термином «системная связь» здесь обозначается то же, что принято называть аналогией, можно ответить словами А. Росса и Р. Кроссланда: «Младogramматики считали, что словом „аналогия“ можно удовлетворительно объяснить многие лингвистические явления; однако в наши дни стало необходимым вскрывать причину каждой аналогии, независимо от того, произошла ли аналогия благодаря „чистой случайности“ или нет» (см. A. S. C. Ross, R. A. Crossland, Supposed use of the 2-nd singular for the 3-rd singular in «Tocharian A», Anglo-Saxon, Norse and Hittite, «Archivum linguisticum», vol. 6, fasc. 2, Glasgow, 1954, стр. 112).

² См. ниже.

³ В результате указанного процесса это окончание получило форму *āð* при инфинитиве I на *an*.

⁴ В древнеисландском, примерно в IX в. (см. M. Nygaard, *Norrøn syntax*, Kristiania, 1905, стр. 237).

Сама связь между именными и личными формами германского глагола становится понятной, если принять во внимание неличный характер индоевропейского 3-го лица¹. В то же время указанная связь служит определенным подтверждением самого неличного характера индоевропейского 3-го лица, в частности 3-го лица мн. числа наст. времени, которое возводится к именам гетероклитического склонения.

Первоначальному возникновению в общегерманском языке-основе более тесной связи между именными формами и собственно глагольной парадигмой в определенной степени, очевидно, способствовала генетическая общность 3-го лица мн. числа и более поздних отглагольных имен среднего рода *ю*-основ², винительный падеж которых (**bheronom*) дал в германских языках форму инфинитива I на *an*.

Однако определяющую роль в возникновении указанной связи, так же как и в появлении германского слабого склонения прилагательных, думается, сыграл удельный вес *ю*-основ, которые, в отличие от других индоевропейских языков, в германских языках, в частности в готском и скандинавских, широко распространены. Зависимость возникновения в германских языках указанного соотношения от удельного веса основ на согласную (*ю*-основ), а не от генетической общности именных и личных форм подтверждается тем, что в других индоевропейских языках, где 3-е лицо мн. числа имеет ту же форму, что и в германских, инфинитивы образуются от других основ на согласную³.

Таким образом, системная связь между именными и личными формами глагола в том виде, в каком она отмечается в германских языках, не унаследована из индоевропейского языка-основы и по происхождению своему является не генетической, а структурной. Следовательно, возможное и на первый взгляд в ряде случаев очевидное отсутствие в других группах индоевропейских языков системной связи между именными и личными формами глагола в том виде, в каком это отмечается в германских языках, ни в коей мере не может служить аргументом, опровергающим наличие этой связи в германских языках. Последнее обстоятельство в лучшем случае может свидетельствовать лишь о том, что общее для индоевропейских языков соотношение, состоящее в противопоставлении отдельных форм глагольной парадигмы в плане личного и неличного характера, выражается в германских языках в виде более тесной связи именных форм и 3-го лица мн. числа, объясняющейся общим неличным характером этих форм.

Хотя приведенные выше факты не исчерпывают всех доказательств в пользу существования связи между именными и личными формами германского глагола и не охватывают всех явлений, которые могут быть объяснены с точки зрения этой связи, однако они позволяют считать, что такая связь (при этом структурного происхождения) в германских языках существует и что формы инфинитива I на *u* и не представляют собой отступления от общего правила и должны быть рассматриваемы в кругу однородных явлений.

Тем не менее при изучении скандинавского инфинитива I на *u* наряду с проблемами общего характера возникает ряд частных вопросов:

- 1) следует ли считать инфинитив I на *u* специфически скандинавским явлением?
- 2) чем объясняется наличие у древнескандинавских претерито-презентных глаголов инфинитива I на *a* и *u*?
- 3) какова относительная хронология возникновения этих форм?

Несомненно, что в наиболее достоверной форме инфинитив I на *u* зафиксирован в древнескандинавских и прежде всего в древнеисландском языке, где отчетливо вскрыта его связь с 3-м лицом мн. числа наст. времени и видна синтаксическая роль этой формы. Однако, с одной стороны, существование в древнеанглийском форм несклоняемого инфинитива на *an*, *on* и то, что огласовка именных форм в германских языках совпадает с огласовкой форм множественного числа настоящего времени соответствующих глаголов, а тематический гласный неличных форм — с тематическим гласным 3-го лица мн. числа, явился для А. Норена основанием сопоставлять указанные древнеанглийские формы со скандинавским инфинитивом I на *u*⁴. С другой стороны, это дало возможность Н. Гримму предполагать, что более поздние, по сравнению с сильными и слабыми глаголами, формы инфинитива I германских претерито-презентных глаголов (в частности, готских и древнесаксонских) первоначально имели флексию инфинитива *an* и образовались от 3-го лица мн. числа наст. времени и лишь впоследствии получили флексию *an*⁵.

Таким образом, формы инфинитива I на *u* признаются общегерманскими, что не соответствует действительности, так как, во-первых, древнеанглийский инфинитив I на *on*, *an*, как было показано выше, лишь формально может быть сопоставлен с инфинитивом I на *u* древнескандинавских претерито-презентных глаголов, поскольку в древнеанглийском указанные формы отмечаются у сильных и слабых глаголов и не зафик-

¹ E. Benveniste, Structure des relations de personne dans le verbe, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. 43, fasc. 1, 1947, стр. 1.

² Э. Бенвенист, Индоевропейское именное словообразование, М., 1955.

³ J. Jolly, Geschichte des Infinitivs im Indogermanischen, München, 1873.

⁴ См. «Grundriss der germanischen Philologie», hrsg. von H. Paul, 2-e Auflage, Bd. I, Strassburg, 1901, стр. 636.

⁵ J. Grimm, Deutsche Grammatik, Bd. 4 — Syntax, Göttingen, 1837, стр. 170.

сированы у претерито-презентных. К тому же соответствующие древнеанглийские претерито-презентные глаголы, у которых в скандинавских языках отмечается инфинитив I на *u*, либо вообще не имеют форм инфинитива, либо имеют инфинитив I на *an*, *a*.

Кроме того, глагол *mylli* в древнеанглийском вообще отсутствует, что вполне закономерно, так как там не развились описательные формы будущего времени со значением будущего «мыслимого», «воображаемого», образуемые сочетанием этого глагола с инфинитивом I смыслового глагола.

Во-вторых, отсутствие в готском глагола *mylli*, незначительное распространение в нем описательного будущего со **skulan*, а также полное отсутствие форм *infinitiv'a futuri I* и любой другой формы инфинитива I у большинства претерито-презентных глаголов, что также характерно для древнезападногерманских языков, и довольно позднее появление форм инфинитива I на *an* у ряда претерито-презентных глаголов в этих языках делает несостоятельным предположение об общегерманском характере инфинитива I на *an* и о вторичности форм инфинитива I на *an*. Это тем более так, что, как было показано, в готском и древнезападногерманских языках отсутствовало важнейшее условие, а именно звуковое совпадение форм инфинитива I и 3-го лица мн. числа наст. времени, что отмечается в скандинавских языках.

Напротив, в древнеанглийском и древнесаксонском сама связь между инфинитивом I и 3-м лицом мн. числа наст. времени ввиду выпадения в 3-м лице мн. числа наст. времени *-n-* и заместительного растяжения *ŕ* в *a* вообще нарушалась. Таким образом: 1) инфинитив I на *u* является специфически скандинавским явлением; 2) наличие в скандинавских претерито-презентных глаголах форм инфинитива I на *a* и на *u* свидетельствует о двух тенденциях или этапах в образовании неличных форм этих глаголов; 3) формы инфинитива I на *a* древнескандинавских претерито-презентных глаголов являются более ранними и унаследованы из общегерманского языка-основы, а формы инфинитива I на *u* являются более поздними, возникшими в общескандинавском языке-основе, и обусловлены развитием в скандинавских языках описательных форм будущего времени, где они в конструкции «внимание с инфинитивом» образуют описательную форму *infinitiv futuri I*, характерную для скандинавских языков; 4) важным условием возникновения скандинавского инфинитива I на *u* непосредственно от 3-го лица мн. числа наст. времени претерито-презентных глаголов, наряду с общим для всех германских языков условием — существованием системной связи между именными и личными формами глагола, является наличие в этих языках звукового совпадения форм инфинитива I и 3-го лица мн. числа наст. времени всех глаголов.

Г. С. Щур